

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«РУНЫ ЛЮБВИ»

Наталья Косухина
«Синий, хвостатый, влюбленный»
«Пятьдесят оттенков синего»
«Корпорация Лемнискату.
И начнется отсчет»
«Корпорация Лемнискату.
И каждый день за веком век»
«Корпорация Лемнискату.
И замкнется круг»

Ксения Баштовая
«Проклятые огнем»
«Дорогу осилит идущий»

Ольга Громыко, Андрей Уланов
«Плюс на минус»

Мария Боталова, Екатерина Флат
«Академия попаданцев»

Варя Медная
«Паук приглашает на танец»

Мария Сакрытина
«Я клянусь тебе в вечной верности»
«Слушаю и повинуюсь»

Ольга Пашнина
«Осторожно, ведьма!»

Терри Лу
«Под крылом дракона»

Екатерина Флат
«Его Тьма»

Галина Манукян
«Ученица чародея»

Елена Литвиненко
«Кукла советника»

Елена Малиновская
«Любовь без права выбора»

Алиса Одинцова
«Начальник для чародейки»

Надежда Мамаева
«У волшебства запах корицы»

Мария Боталова
Трилогия «ТАЙНЫ
ИЗНАЧАЛЬНЫХ»
Книга первая «В оковах льда»
Книга вторая «Огонь Изначальный»

Александра Салиева
«Прокляты и забыты»

Ольга Мигель
«Принц на белом кальмаре»

Марина Дробкова
«Маг моего сердца»

Дана Арнаутова
«Страж морского принца»

Аня Сокол
«На неведомых тропинках. Шаг в
темноту»

Евгения Петроченко
«В летописях не значитя»

Валерия Чернованова
«Колдун моей мечты»

Марина Эльденберт
«Заклятые любовники»

МАРИНА
ЛЬДЕНБЕРГ

ЗАКЛЯТЫЕ
ЛЮБОВНИКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э53

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Эльденберт, Марина.

Э53 Заключённые любовники : [роман] / Марина Эльденберт. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-099245-4

Оказаться во власти злейшего врага – такое только на сцене бывает. Так я считала, пока меня не приковали смертельным заклятием к ненавистному герцогу де Мортену, который с радостью превратит мою жизнь в ад. У его помощи слишком дорогая цена, но иначе не разыскать того, кто мне так удружил. Покорность и повиновение? Всего лишь очередная роль! Играть я умею, а чувства для актрисы – слишком большая роскошь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099245-4

© М. Эльденберт, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Спасибо родным и близким — за поддержку и веру, за тепло ваших сердец.

Благодарю Еву Пух, которая помогла изящно обойти многие острые углы. Спасибо Наталии Гудожниковой за потрясающую образную обложку для электронной версии, Елизавете Метлиновой — за роскошные вдохновляющие иллюстрации, Яне Поль — за прекрасный коллаж и искреннее внимание к роману, Галине Мишариной — за интересный портрет.

Спасибо замечательным читателям и читательницам с Лит-Эры и Самиздата: всем, кто прожил историю Луизы и Винсента вместе со мной, поддерживал книгу комментариями, оценками и наградами, делился впечатлениями, задавал нужные и интересные вопросы, которые помогли сделать роман лучше.

Благодарю всех, кто откликнулся и нашел время просто сказать спасибо.

ПРОЛОГ

— Мисс Луиза, закройте глаза, пожалуйста. И повернитесь к свету. Да, вот так.

Катрина — миленькая, темноволосая и стройная, была в театре новенькой, потому и волновалась. Шутка ли — сразу оказаться в моей гримерной. Чересчур громко звякнула о столик какая-то склянка, ласкающие прикосновения кисточки щекотали скулы, от суетных движений девушки дохнуло жаром свечей. Надо бы распахнуть окно, иначе вспотею так, что никакой грим не понадобится. Помощница колдовала над лицом, а я размышляла, какую маску лучше сделать после спектакля — на ягодах или на травах. Пожалуй, все же на травах, мази слишком жирные.

— Можете открывать.

Из зеркала на меня глянула кукла с фарфоровым личиком. Светло-серые глаза — выразительные, оттененные, чтобы их было видно из зала, пухлые губы, рассыпавшиеся волнами по плечам рыжие волосы под мягким светом почти медовые, под накинутым халатом ровно вздымается пышная грудь. Сама добродетель, встретишь на улице такую девочку — и поверишь в чистоту и невинность. Только в отличие от героини я совсем не девочка: мне уже двадцать пять.

Катрина закончила с лицом и засуетилась у оттоманки — удобного диванчика со спинкой в изголовье, застилая свежей простыней, чтобы не запачкать. Помощницу отвлек негромкий стук, она тут же скользнула к двери, а через минуту уже вручила мне небольшой сверток.

— Вот, просили передать.

Я улыбнулась, хотела отложить, но любопытство пересилило. Оберточная бумага дорогая, перевязано сиреневой атласной лентой — мой любимый цвет. Интересно, что на этот раз? И от кого? Подарки мне дарили десятками, и большинство из них даже не покидали стен театра: либо переходили к другим актрисам, либо оседали в гримерной. Вот эту картину, где полуобнаженная особа держит в руках светящийся шар, озаряющий светом полумрак какой-то гостиной, прислал один из поклон-

ЗАКЛЯТЫЕ ЛЮБОВНИКИ

ников. И старинное зеркало в оплетающей его золотом раме, напротив которого сижу — тоже.

— Мисс Луиза, время! — пискнула Катрина.

— Сейчас.

Я развязала ленту и разорвала бумагу. Вкус у дарителя был. Премерзкий. Моему взору открылась ярко-розовая лакированная шкатулка, инкрустированная разноцветными стекляшками, каждая величиной с антал¹ и размалеванная цветочками настолько аляповато, что просто глаз резало. Щелкнул замок, в кожу словно иголка вонзилась, выступила кровь. Я ойкнула, сунула палец в рот и вскочила. Шедевр работы неизвестного мастера свалился на пол, из него выпала бумажка. Катрина с необычайной прытью подхватила и подала ее мне.

— Поцарапались? Принести вам салфетку?

— Обойдется. Открой окно, пожалуйста.

— Да, мисс.

Незнакомым почерком — таким обычно пишут целители, чтобы аптекарь мог отмерить порошки и компоненты для зелий — в меру корявым, со второй рюмки разборчивым, было написано:

На том, кого ты ненавидишь,
Замкнется круг, сойдется жизнь.
И вот тогда, Лефер Луиза,
Держись.

Буквы плясали вкривь и вкось, словно писали спяну или левой пяткой. Если загадочный даритель с полным отсутствием вкуса хотел меня удивить, ему это удалось. Для начала, упомянули мое настоящее имя. Имя, от которого я отказалась восемь лет назад и о котором знали немногие. Кроме того, стишок был написан в духе тех, что я любила сочинять на досуге и цитировать от случая к случаю — с детства. Правда, в моих побольше юмора и поменьше пафоса. Или мне так кажется?

Катрина вертела шкатулку в руках — кроме записки в ней ничего не оказалось, и с интересом заглядывала мне через плечо. Перехватив взгляд, залилась краской и сделала вид, что рассматривает бархатную подставку для ног. Я сунула бумажку в карман, скинула халат и удобно устроилась на кушетке. Время подумать об этой ерунде у меня еще будет. Главное сейчас — до-

¹ Антал — денежная единица, аналогичная фунту стерлингов.

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРГ

стойно сыграть девственницу, по воле случая оказавшуюся во власти жестокого тирана.

Помощница принялась втирать в мое тело крем, от которого кожа блестела, словно покрытая мельчайшими капельками пота. Всякий раз, когда взгляд ее натыкался на мои обнаженные груди с затвердевшими от прохлады сосками, на щеках девушки проступал румянец смущения.

— Мисс Луиза, а вы... ну... — Она помялась. — Как вы согласились сыграть.. такое?

Смелый эксперимент молодого сценариста для начала подержал наш антрепренер — управляющий театра и спонсор в одном лице, а затем и сама королева, посетив спектакль. После этого нас не только не закрыли, но и напечатали статью, в которой цитировали ее величество. «Чувственность и разврат разделяет пропасть, — заявила она, — а в этой постановке я увидела только первое».

Некоторые религиозные деятели были, мягко говоря, не в восторге, а осаждавших перед премьерным показом центральный вход пуритан пришлось утихомиривать полиции, тем не менее очереди вокруг кассы на каждый спектакль заворачивались в крендельки. Сцены были весьма откровенны, на пробы рвались актрисы юные и постарше, неопытные и с именами — как почувствовали золотую жилу. Утвердили меня.

— С радостью.

И ведь не покривила душой. Меня всегда притягивало все необычное, дерзкое. Ну и золотую жилу я тоже почувствовала.

— Вам не было страшно? Или стыдно?

Катрина смотрела на меня во все глаза.

— Я актриса. Мне не бывает стыдно.

Больше мы не разговаривали, а поднявшись, я увидела обнаженную молодую женщину — хрупкую и беззащитную. Свою героиню, Сильви — дрожащую от холода, страха перед неизвестностью и жестоким супругом, рядом с которым ей предстояло пройти все круги ада и обрести любовь. Уколотый палец польхал огнем, а рука словно заледенела. Странно. Я тряхнула кистью, что-то под кожей отозвалось пульсацией, будто потянули за невидимую нить. Так, сейчас не время обращать внимания на такие мелочи. Тем более что помощница уже спешила ко мне с платьем, помогла одеться, пригладила волосы.

Все готово, Луиза. На выход!

ЧАСТЬ 1

АКТРИСА

1

— За успех! — Я подняла бокал.

— За успех! — отозвались остальные.

Стол, накрытый на пятерых, ломился от яств. Голова кружилась — то ли от выпитого вина, которое щедро подливали сидящие по обе стороны от меня кудрявые смуглые близнецы, то ли от восторга. Сияние газовых светильников приглушали абажуры, по выложенным камнем стенам метались тени официантов, тяжелая драпировка портьер, скрывающая окно, окончательно отрезала нас от окружающего мира. В театре осталось море цветов, шумное многоголосье поклонников, не желающих нас выпускать до той поры, пока не получат автографы, подарки и маска невинной Сильви, покорившей публику. Здесь, в узком кругу, в полумраке ложи одного из самых дорогих ресторанов Лигенбурга, можно быть собой.

Так, между братьями больше не сажусь: я встретилась взглядом с Рином, и голова закружилась еще больше. Потянуло на всякие глупости — из тех, что наутро стыдно вспомнить, но вспоминается с трудом. Пришлось напомнить себе, что не сплю с партнерами по спектаклям, даже если сплю с ними по воле сценария. Даже если очень хочется. Даже если пьяна вином и общим успехом. Я сделала вид, что разглядываю картину — весеннее небо и тающий снег, растопыренные пальцы деревьев, сквозь которые вдали виднелся неприступный замок и вскрывшаяся река.

— Никогда бы не подумала, что такое понравится зрителям, — заявила Люсьена — белокурая красотка, игравшая любовницу моего мужа — то есть мужа моей героини, разумеется, — но вы с Рином просто созданы для этих ролей. Если бы я сидела в зале, ревела бы в три ручья. А ты что скажешь, Рин? —

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРГ

проворковала она, повернулась к нему и как бы невзначай коснулась запястья.

Не надо обладать выдающимися умственными способностями, чтобы догадаться, что Люсьена к нему неровно дышит. Оно и понятно: тело как у античного бога, без малого шесть с половиной футов роста, светлые волосы до плеч и задорные голубые глаза.

— Скажу, что сегодня кое-кто перестарался. — Он выразительно посмотрел на одного из близнецов.

— Ну извините! — прыснул тот. — Это вы там приятными вещами занимаетесь, а мне — кровать расшатывай. Могли бы и сами расстараться.

Я беззлобно швырнула в него салфеткой.

— Тогда нас на следующий день закроют.

— Вот это вряд ли. — Рин пристально смотрел на меня, и мне вдруг показалось, что в глазах его я прочла отражение своих мыслей: «А что, если?..» — От такого дохода в казну они не откажутся.

У него холодные глаза, но я погружалась в них, как в студеное озеро в жаркий день. Зной — мягкий, как патока, и жаркий, как приморское солнце после полудня, обволакивал, не позволяя закрыться. Хотелось хватать губами воздух, чтобы от его прикосновений-поцелуев на теле вспыхивали ожоги. Чтобы сильные пальцы сжимали запястья, чтобы нестерпимо ломило поднятые над головой руки, но я не смела просить остановиться.

М-да, Луиза. Кажется, кому-то надо меньше пить.

— Помнишь, как на репетиции я пытался порвать на тебе платье?

Нет, он точно решил урвать свое, а я сейчас не могу сопротивляться. Не могу или не хочу? Может ну их, эти принципы, ко всем демонам?

— Расскажешь? — Люсьена, до той поры мирно сидевшая рядом с Рином, вцепилась ему в локоть.

— Оставлю это Луизе.

Вот ведь паршивец! Хочет представления? Будет ему представление! Я облокотилась о стол, слегка наклонила голову.

— Один из любимых моментов публики — когда муж разрывает на Сильви платье. — Я облизнула губы, дотянулась до бокала с вином, отпила. — На мне остается корсет, нижние юбки и кружевные панталоны. На самом деле ткань уже была надрезана: когда на репетиции мы пытались проделать это с со-

ЗАКЛЯТЫЕ ЛЮБОВНИКИ

вершено целым нарядом, я заработала синяк на бедре, потому что у Рина с силой сорвалась рука.

Потом мы вместе хохотали над тем, как сценарист представлял эту картину и несколько раз пробовали повторить. Тщетно. Одно дело разорвать легкое девичье платье из кисеи, совсем другое — атлас или натуральный шелк. Сильви, как замужней особе, уже полагались такие наряды.

Я задумчиво поглаживала края бокала. Взгляд Рина однозначно говорил, что он не прочь увидеть меня без юбок и корсета. На сцене мы оправдывали ожидания публики и немного перестарались: невозможно выразить то, что не чувствуешь. Но жизнь Сильви не принадлежала мне — ни на минуту нельзя забывать об игре. Так почему бы не позволить себе сыграть.. всего на одну ночь. Почувствовать себя желанной, любимой. Заснуть рядом с мужчиной, проснуться вместе. Всего лишь недолгий обман, но какой сладкий!

Я поднялась, он вскочил следом. В том кабинете мы оставили близнецов, расстроенную Люсьену и остатки приличий. В другое время я бы задумалась о чувствах девочки, но сейчас мне было не до нее. Темное низкое небо, занавешенное тучами поздней осени, манящие уютom окна, свет газовых фонарей, говор на разные голоса, смех, цоканье копыт по мостовой. Холодная морось — не то дождь, не то снег, не только не отрезвила, напротив — ударила по горячим губам иглами контраста.

Рин подсадил меня в кэб, запрыгнул следом и поцеловал страстно, яростно, жарко. Правое предплечье опалило болью, словно кто-то приложил к коже раскаленное железо. Я вскрикнула, а точнее, застонала ему в губы, но он не остановился: отшвырнул мою накидку, растянул платье. Совершенно не стесняясь, скользнул руками под сорочку, высвобождая налитую грудь, сжимая ноющие от напряжения соски.

На миг перед глазами помутилось, словно меня целиком окунули в расплавленный металл. Я ни взвыть, ни застонать не могла, только хватала ртом воздух. Рин почувствовал или увидел — не знаю, но тут же отстранился. Вместо распаленного желанием мужчины я видела перед собой перепуганного мальчишку — такого, каким он впервые перешагнул порог кабинета антрепренера.

— Луиза, ты в порядке?

Самый дурацкий вопрос, который только можно себе представить. Впрочем, сейчас мне любой вопрос показался бы ду-

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРГ

рацким: каким чудом я не спятила от такого, если в детстве мне порез пальца казался концом света — непонятно. Приступ миновал, но правое предплечье под рукавом продолжало пульсировать тянущей болью. Трясло в ознобе, и Рин поспешно притянул меня к себе, закутывая в свой плащ.

Он вынес меня из кэба, на ходу бросил экономке, миссис Купер, просьбу вызвать целителя, направился к лестнице. Колотя хвостом, навстречу нам вылетел Арк — огромный черный дог, но почувствовав неладное, заскулил, шумно потопал следом. Мы поднимались, а точнее, поднимался Рин, я же безвольной куклой обмякла в его руках.

— Где твоя спальня?

— Первая дверь налево.

Не такой уж у меня большой дом. Всего три комнаты наверху, две из которых — гостевые. Впрочем, гости у меня бывали редко: кто захочет делить кров со скандальной, пусть и известной актрисой? Пламя свечей мерцало приглушенными огоньками, я позволила себе прижаться щекой к сильному плечу Рина и закрыла глаза.

2

Когда вошедший в спальню аптекарь, мистер Крауч, застучал нечищеными хлипкими для такой погоды штиблетами по полу, я открыла глаза. Тот бесцеремонно прошелся по дорогом, между прочим, белоснежному ковру, оставляя на нем комья грязи, решительно отодвинул в сторону бледного Рина: лоб его прочертили глубокие морщины, а в глазах застыла тревога. Я что, так паршиво выгляжу?

— Подайте стул, молодой человек! И посветите.

Мистер Крауч был тощий и высокий, как корабельное дерево. Он снял цилиндр, обнажив лысеющий череп, на поданный стул водрузил саквояж и достал оттуда выдавший виды стетоскоп.

— Сознание теряли?

— Нет, — сказала я.

— Да, — произнес Рин.

Я бросила на него испепеляющий взгляд: терпеть не могу признавать свою слабость. Не падала я в обморок, так, ненадолго задремала. За это время он всего-то меня переодел, укутал покрывалом, и миссис Купер успела за аптекарем сбежать, подума-

ЗАКЛЯТЫЕ ЛЮБОВНИКИ

ешь. То, что у меня вся спальня перед глазами плывет сплошным персиковым цветом, не считается.

— Сорочку опустите, — недовольно произнес мистер Крауч. Сразу видно, что подняли его из кровати: край рубашки торчит из брюк, жилет забавно скособолен: верхняя пуговица застегнута в среднюю петлю. — Как себя чувствуете?

Хороший вопрос. Меня бросало то в жар, то в холод, то и дело от корней волос до пяток прокатывались затихающие отголоски боли, виски ныли, правую руку дергало, как от сильного пореза, внизу живота собиралась тяжесть — томительная, жаркая, болезненно-сладкая. Да, весьма необычные ощущения: то ли помирать собралась, то ли мужика подавай.

— Голову поднять не могу, — я запуталась в завязках, но все-таки справилась с ними и чуть приспустила сорочку, — все тело ломит.

В грудь мне тут же ткнулся потертый коричневый рожок: передвигая его то ниже, то выше, аптекарь придерживал трубки для ушей, которые держались на расшатанном соединителе и честном слове. Он осмотрел меня, несмотря на протесты все-таки сунул в рот серебряный термометр, измерил температуру, пожал плечами.

— Не в положении, случаем?

— Всевидящий упаси!

Я люблю секс, но и о предохранении и последствиях всегда забочусь: все-таки не невинная девочка, да и некогда мне детьми заниматься. К тому же, мой постоянный любовник — граф Вудворд, вряд ли бы обрадовался такому подарочку.

— Ох уж эти мне женщины, — пробормотал, аптекарь, наконец, — чуть-что — хлоп в обморок.

— Обморок?! Вы не видите насколько ей плохо?! — возмущенно воскликнул Рин.

— А вы, молодой человек, не встревайте. Уж я всяко больше вас в здоровье смыслю.

Он взял мою руку, пощупал пульс. От прикосновения ледяных пальцев кожу словно закололо иголками.

— Переволновались, вот и все дела. Выпишу вам капли для спокойствия, завтра с утра они будут готовы, сможете забрать. А это еще что такое?!

Сказать, что не надо мне никаких капель, не успела: внимание привлек черный браслет, обвивающий запястье. Откуда?! Я же терпеть не могу браслетов, да и... не браслет это был вовсе. Отняв руку, изучала миниатюрную змейку, неподвижно

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРГ

застывшую под кожей: выпуклую, как вздувшаяся вена, — она ничуть не напоминала татуировку или грим. Я коснулась припухшей кожи пальцами, змейка шевельнулась, и запястье пронзило болью.

— Гадство!

Аптекарь вздрогнул, словно я пнула его любимую собачку, отшатнулся — судя по всему, осознал, что «гадство» — это еще мягко сказано, а потом с полминуты молча изучал мою руку с безопасного расстояния, как будто змея могла переползти на него. На лбу выступили капельки пота, он долго рылся в саквояже, достал склянку и ложечку. Не меняя позы, готовый в любой момент отпрыгнуть, нанес мазь на кожу над черной гадinouй. Она тут же вспыхнула зелеными искрами и зашевелилась. Не знаю, каково было змее, а я зашипела: пульсация — жгучая, раздражающая, прошла запястье и прошла, когда мне хватило ума стереть дурно пахнущее средство о покрывало.

— Я ничем не могу помочь, — пробормотал аптекарь еле слышно. Как будто я сама этого не знала! — Нужно вызвать полицию.

Пламя свечей колыхнулось, дохнуло жаром на лицо. Только тут я вспомнила о том, что Рин все еще здесь.

— Кто-нибудь уже скажет, что произошло? — Он кивнул на змею и вопросительно заглянул мне в глаза. — Что это?

Мне такого знать не полагалось — магией обладают и ей же обучаются только аристократы, поэтому позволила ответить мистеру Краучу.

— Заклятие на крови.

Он собирался, суетился, бормотал что-то про полицию, что он обязан заявить, но я слушала его вполуха. В сознании — и без того измученном, окончательно помутилось. Заклятия на крови считались одним из самых страшных преступлений. За такое полагалась смертная казнь, потому что они несли в себе смертельные чары, снять которые почти невозможно. Нужно знать механизм плетения, а его знает только тот, кто работал над наведением. Чтобы выжить, остается одно — следовать заключенному в заклятти посланию и надеяться, что полиция доберется до заказчика и исполнителя.

— Я пойду, пожалуй, — пробормотал мистер Крауч, — ждите полицейского.

Он поспешно ретировался, я даже не посмотрела ему вслед. И коню ясно, какое заключение он сделал:

ЗАКЛЯТЫЕ ЛЮБОВНИКИ

«Конец подкрался незаметно,
И тело холодное твое
Из дома вынесут с оркестром
Ой е!»

Такое исправить даже магу-целителю не под силу, хотя мне высший целитель не светит, они ходят только к знати. Кому я перешла дорогу? Мало того что это удовольствие опасно, так еще и сотворить его мог только очень сильный маг. А учитывая, что все маги — аристократы, этот человек должен либо здорово нуждаться в деньгах, либо ненавидеть меня лично. Настолько сильно, чтобы рискнуть титулом, состоянием и жизнью. Чтобы поставить на место зарвавшуюся актриску? Смешно! Да и не было у меня врагов — таких, чтобы на всю жизнь, чтобы на одном поле не сесть гадить.

Кроме де Мортена. И этот как раз на такое способен.

Я с силой ударила кулаками по покрывалу. Не имею ни малейшего представления, зачем было ждать столько лет, хотя... пожалуй, понятно. Но если он рассчитывал на положение советника ее величества, то здорово просчитался. Я его уничтожу. По стенке размажу! И в первых рядах заявлюсь на показательную казнь. Если, конечно, не сдохну раньше.

На этой мысли меня снова скрючило — так, что я уткнулась носом в подушку и глубоко дышала, пока не отпустило. Рин сел рядом и сжал мои пальцы, в отличие от аптекаря несколько не опасаясь, что зараза перекинется на него. А зря — некоторые заклятия на крови обладали такими свойствами.

— Не надо. — Я слабо дернулась, но он подхватил меня на руки и прижал к себе.

— Рин, ты не понимаешь, это опасно.

— Совсем дурная? Понимаю я много чего, в частности, что слишком долго ждал, чтобы вот так просто тебя потерять.

Это еще что за новости?! Я приоткрыла слезящиеся глаза и чуть не задохнулась от встречной нежности и тревоги. Откуда они там взялись, в этих льдинках? Всегда считала себя проницательной, но как-то умудрилась просмотреть такое. Или это потому, что раньше мне было все равно?

И тут я приняла решение. Неожиданное, нелогичное, о котором после могу пожалеть. Да почти наверняка пожалею.

— Нужно, чтобы ты съездил в Высший Университет Магии.

Рин улыбнулся: должно быть, решил, что я пошутила, чтобы разрядить обстановку.